

Петров Андрей Васильевич, профессор кафедры русского языка и речевой культуры САФУ, звание - доктор филологических наук

ЯЗЫКОВОЕ МАСТЕРСТВО ФЕДОРА АБРАМОВА (на материале беловых глав «Чистой книги»)

В очерке Федора Абрамова «В краю родникового слова» читаем: «На Севере издревле вся жизнь, и повседневная, и праздничная, была пронизана многоцветным краснословьем, будь то обычная бытовая речь или по-местному «говоря», то ли песня и сказка, то ли героическая былина и искрометная скоморошина, то ли задиристая и забористая частушка. А как же иначе? Как жить в этом суровом краю без опоры на чудодейственную силу слова?» (1, с. 31). Сам писатель, подлинный певец северной деревни, северного духа, основным источником своего художественного творчества считал образность народной северной речи: «Язык современной деревни – яркий, сочный, забористый и задиристый. Когда я приезжаю в деревню, я буквально омываюсь в живых родниках речи» - говорил он в одном из интервью (1, с. 406).

Исследователи-абрамоведы всегда обращали внимание на языковое мастерство писателя, на то, что он придавал большое значение работе над словом. Ш.З. Галимов отмечает: «Ф. Абрамов очень ценил первоисточник языка – народную речь. Он решительно не соглашался с теми, кто сдержанно, с опаской относился к народной речи, кто считал, что народные речения засоряют язык литературы, портят его. Он выступал за свободу писателя в выборе языковых средств» (3, с. 229). И.П. Золотусский пишет: «Литература без языка – без живородного, сильного, волевого слова – слова-образа – была для него растрачиванием бумаги» (4, с. 148).

Осталось незавершенным выстраданное, вершинное произведение Федора Абрамова «Чистая книга», над которой он работал 25 лет: 18 беловых глав, законченных незадолго до смерти в 1983 году, и многочисленные заметки, планы, наброски, систематизированные и впервые опубликованные вдовой писателя Л.В. Крутиковой-Абрамовой в 1998 году. В предисловии к изданию говорится: «Книга должна была вместить весь жизненный и духовный опыт Абрамова, его многолетние размышления о судьбе России, о русской истории, о путях развития России и всего человечества, о сложной природе человека, о смысле и назначении человеческой жизни» (2, с. 6).

Охарактеризуем языковое мастерство писателя на материале беловых глав «Чистой книги».

Откроем первую страницу романа:

Огнейка проснулась – журавли курлыкают, гуси-лебеди трубят, ручьи поют-заливаются.

Весна!

Но откуда же весна? Вечор ложились, был пост Великий. Неужто весь пост проспала?

Она повернулась со спины на живот, глянула с полатей вниз и кого же увидела? В кого разбежалась глазами? В Махоньку.

Стоит старушечка-говорушечка, шубейка старенькая с разводами, котомочка за спиной, на руке коробок с кусочками, прикрытый белой холстиной, - и поклон, к каждому слову поклон, - ни дать ни взять, из сказки вывалилась.

Не помня себя от радости, Огнейка векшей перемахнула с полатей на печь, на ходу ткнула ногой Енушка (не спи, соня! Кто к нам пришел-то?) – и на пол. Налетела, сграбастала старушонку обеими руками – та едва устояла на ногах (все цитаты по изданию (2)).

Развернутая метафора – весна в дом вошла с Махонькой как продолжение сна Огнейки, как олицетворение радости, оптимизма, жизнелюбия. Динамичный, емкий синтаксис (бессоюзные конструкции, эллипсис, риторические вопросы и восклицания), дефисные сочетания, свойственные разговорной речи (*поют-заливаются, старушечка-говорушечка*), образные средства (*разбежалась глазами, из сказки вывалилась*), диалектизмы, органично включенные в речь повествователя (*вечор, векша*), экспрессивная вставная конструкция (*не спи, соня! Кто к нам пришел-то?*), набор слов с суффиксами субъективной оценки, описывающих Махоньку (*старенькая шубейка, котомочка, коробок с кусочками*). И все это в небольшом фрагменте, вводящем в мир заветной для автора книги, в которой нашло отражение всё лучшее, что накопила его писательская практика в литературном и языковом планах.

Важнейшим персонажем «Чистой книги» должна была стать Махонька – прозвище героини романа Марьи Екимовны позаимствовано у известной пинежской сказительницы Марьи Дмитриевны Кривополеновой, ставшей ее прототипом. Несмотря на явную документальную основу, получился «некий условный, обобщенно-поэтизированный персонаж» (7, с. 43). Федор Абрамов отмечал: «мера отсчета – Махонька» (2, с. 11), она «мера всех людей» (2, с. 107). Именно в речи самой Махоньки, в авторском описании ее внешности и действий наиболее ярко проявляется образная, выразительная составляющая беловых глав незавершенной книги.

Одна из героинь повествования Федосья пытается осознать сущность Махоньки, и в ее характеристике отчетливо слышен голос самого автора: *Для нее самой эта маленькая глазастая старушонка была самым загадочным, самым удивительным существом на Земле. Всего-навсего в ней было натихано, от всех взято: от взрослого и от ребенка, от праведницы и от скомороха, от вечной бродяги-странницы и от вещей, всё понимающей старушки, какую только и можно встретить в сказках.*

Немало внимания при описании внешности Махоньки уделяется глазам, в которых отражается ее душа, ее характер: *...у нее были большие, во все широкое, скуластое лицо, светло-голубые, еще не размытые временем глаза; Улыбнулась, обласкала Огнейку теплом своих летних глаз* – эпитеты подчеркивают доброту, душевную щедрость, неувядаемую молодость души героини, которая отнюдь не является ангелом во плоти, она бывает вспыльчивой,

обидчивой, и это тоже находит отражение в ее глазах: *Старуха обиделась еще пуще, и потемневшие глаза ее просто заметали молнии.*

Миниатюрность Махоньки, ее внешняя хрупкость адекватно передается при описании обилием слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Маленькая, крохотная старушонка в старенькой заношенной шубешке раструбами, с котомочкой за плечами, с коробкой на руке и батожком.*

Главный дар Махоньки – ее речь, которую можно сравнить, например, с ручейком: *Весенним ручьем за журчала*; однако больше для нее подходит сравнение с колоколом, не столько громкостью, сколько степенью воздействия на слушателей: *В монастыре всё еще ухал колокол-великан, а в избе разливался свой колокол – Махонька; «Репу ела, петь хочу!» - и почала колоколоть.* Махонька осознает, что ее сила заключается в голосе, которому она знает цену: *У меня костья да мяса нету, а горлом-то Бог не обидел. Как труба*; поэтому она весьма критически относится к ситуации, когда голос не звучит: *- Худо чего-то ноне зачала. Все на мели, все на мели, никак не могу на глубь выйти*; однако, когда она входит в необходимую форму, все становится на свои места: *И тут как будто прорвало плотину: голос ее разлился рекой веселой, с подскоком, с игрой на перекатах*; и сама она чудесным образом преобразается и как будто становится выше: *...голову в синем, полинялом повойничке вскинула - на глазах выросла.*

Махонька трепетно относится к своему дару: *Любила, когда игривое словечко с языка слетало; ...всегда вот так радуется, когда вовремя нужное слово подкинет; Не любила, когда к ее слову отборному липла мякина.* Она убеждена, что ее талант сказительницы – это дар Божий, который далеко не каждому открывается. Н.С. Цветова замечает: «Махонька, как и автор древней «Одиссеи», свято верила, что вдохновение ниспосылается только избранным и только Богом» (7, с. 44). И потому велика сила воздействия ее таланта на слушателей: *Разве в избе сейчас сидели они? В палатах у царя Ивана Васильевича, на свадебном пиру... Вот что может сделать маленькая старушонка с людьми. Сказкой заворожила, заколдовала людей.*

В речи Махоньки немало образных средств, поскольку она осознает себя не иначе, как художником слова: 1) сравнения: *Сам легкий, как сена клоц, и сухарь насквозь просвечивает, хоть в раму заместо стекла вставляй; ...как почнет старины-то пропевать, ровно лес в бурю заркочет, ровно громы с неба падут* – речь идет о деде-сказителе; 2) метафоры: *Стадо коровушек с длинным хвостом, которые под полом живут* – о мышках; *...не буду, не буду туманить солнышко. Без меня ему сушить много слез*; 3) присказка-гипербола: *немного и надо бабушке: каравай хлеба до пупа да белой рыбки два пуда.*

Особенности народных изобразительно-выразительных средств в преломлении писательского таланта Федора Абрамова мы уже описывали в своей работе (5), обратимся к анализу в данном ракурсе беловых глав «Чистой книги».

Можно обнаружить различные типы сравнений и метафор.

Творительный сравнения: 1) психофизическое состояние человека: *орлицей вскинула голову* – о нетерпимости; *ястребом накинута на Ефтию* – о ярости; *крещенской стужей дохнул на них* – о холодном приеме; *щека у него горела полымем* – о последствии пощечины; *Огнейка тугим мячиком надула зарумяневшие щеки...* – о недоумении; 2) состояние окружающей среды: *Из раскрытой смолокурни, дурным чирьем усевшейся в развилке дорог...* – о неуместности расположения объекта; *волнами накатывался монастырский звон* – о способе распространении звука.

Сравнительные обороты: 1) психофизическое состояние человека: *Морозко, как игривая собачонка, покусывал у Федосьи подколенки; ...в лицо ее ласково, как Лысиха, дохнуло теплом нагретое дерево* – олицетворение сил природы; *...как весенним дождиком, смыло с души всю плесень* – метафорический перенос; 2) состояние предметов: *Гремя смерзимся, как железо, сарафаном...*; *...репка на тарелке развалилась, как яблочки наливные, о которых в сказках сказывают; ...как алые костры, начали вспыхивать острые вершины елей* – метафорическое сравнение.

Сравнительное придаточное: *Крик, вой, визг взметнулся в избе, как будто пожар ворвался в избу, как будто потолок обвалился на людей* – выразительное описание произведенного выходкой Махоньки эффекта, она нарядилась чертом и напугала собравшихся.

Сравнения в составе предиката: 1) *Савва налетел на него как гроза, как божья кара* – возбужденное состояние человека; 2) *...ребятишки – их уж под полатямиросло как грибов в лесу в урожайный год* – выразительное представление количества прибывших слушателей.

Сравнение через противопоставление: 1) *не репу откопала, а золотой клад* – высокое качество продукта; 2) *шли в дом, а попали во дворец* – лестная характеристика жилища.

Экспрессивное сравнение на основе разговорных синтаксических конструкций: 1) *Приподнял заячий трюх, съехавший на глаза, и сразу – королевич* – эллипсис; 2) *Три недели на одни сосны да ели смотрели, а тут кого увидели? Царевну* – вопросно-ответные реплики.

Субъектные метафоры: 1) *...а с неба уже глядело лето. Голубое, голубое небо* – о проявлениях наступающего тепла в самом разгаре зимы; 2) образный перифраз: *Ну, славу Богу, вот и царь весны воссиял* – так торжественно Федосья высказалась о солнце, которое появилось впервые после череды пасмурных дней.

Метафоры на основе олицетворения: 1) *Ветерок, незаметный доселе, начал шарить по потной груди* – воздействие природной силы уподобляется действию человека; 2) *И вот не он – глаза скомандовали ногам* – непроизвольность действия субъекта как результат зрительного восприятия – юноша подходит к понравившейся ему внешне девушке; 3) *...блаженная теплынь обняла его продрогшее тело* – физическое состояние человека, связанное с благоприятным воздействием внешней среды; 4) *Марьюшка, сидя на передней лавке у заплаканного окошка, пряла* – образное описание отпотевшего окна.

Глагольные метафоры: 1) *...в порохинском роду вдруг вынырнул на удивление белоглазый ребяенок* – о неожиданном появлении ребенка необычной внешности; 2) *В своей деревне смельчаков, однако, не оказалось, и в соседних деревнях храбрость не взбурлила ключом* – о проявлении признака; 3) *...не было урока, чтобы тот не скреб его тетрадку своими кошачьими лапками* – о списывании соседа по парте.

Метафорические устойчивые выражения: 1) *...а эти – что Савва, что Иван, что Огнея – пороха не несут* – Федосья о взрывном характере, несдержанности своих детей, на что Махонька пошутила, проявив языковую игру: - *А чего им порох-то нести, когда они сами Порохины?;* 2) *Федосья, чтобы хоть как-то ввести в берега клокотавишную гневом свекровь, услужливо помогла ей снять шубейку* – бурное проявление эмоций человека сопоставляется с природной стихией. Встречаются также образные народные поговорки: *на печи простужаются, а не за работой; сороки в лесу от удивления раскричались.*

В тексте романа можно обнаружить необычные слова автора, вводящие прямую речь и одновременно характеризующие состояние говорящего, при этом используются не глаголы говорения, а конструкции, описывающие глаза человека, в которых отражается его эмоции (удивление, ужас, гнев), во всех трех случаях характеризуются реплики Огнейки: 1) - *Ссылными? – Огнейка так и округлила карие, слегка раскосые глаза;* 2) - *Против царя? – ужас плеснулся в глазах Огнейки;* 3) - *Не будем терпеть, - гневно сверкнула черными лазниками Огнейка.*

Частотны в описываемых главах вставные конструкции в скобках (30 случаев на 50 страниц текста), которые выражают добавочные, попутные замечания, уточнения к основному сообщению, они используются как особый стилистический прием, делающий содержание высказывания более информативным и емким, например: 1) *Огнейка (к этому времени она с Махонькой и Енушкой была уже на печи) пришла в ярость;* 2) *Невпроворот дел. Корова (через месяц, все ладно, Лысоня отелится), вода, дрова;* 3) *...в одной руке икона Спас Ярое Око (нарочно для такого случая разжилась у соседей), в другой – курящийся ладан;* 4) *И Федосья, все еще прислушиваясь к монастырскому звону (строго звонили – пост Великий), в который раз сегодня помолилась за сына.*

Широко употребляются дефисные конструкции, характерные для разговорного синтаксиса, которые открывают немалые возможности для яркой, точной и образной характеристики различных объектов художественного описания.

Приложения при именах собственных, характеризующие лиц: по должности и социальному положению: *Федька-келейник, Фекла-вдовица, Калинин-царь*; по внешнему виду: *Оксенья-квашня, Мишка-ряб, Костя-грива*; по характеру: *Демрюковна-злыдня*; как носителя определенного признака: *Миша-икотник, Пименко-килан.*

Приложения при нарицательных именах, характеризующие одушевленные личные существительные: *старушечка-говорушечка* (фольклорное

рифмованное прозвище), *старушонка-попрошайка* (социальное положение), *бродяга-странница* (стилистические синонимы); неличные: *рыба-морянка* (родо-видовые отношения), *сени-коolidоры* (разновидности помещения); неодушевленные: *строенье-размахай*, *колокол-великан*, *снег-липуха* (образная характеристика), *печка-голландка*, *рубаха-самотканка*, *шапка-самоедка* (разновидности предметов). Устойчивые ассоциативные сочетания: *гуси-лебеди*, *ум-разум*, *роду-племени*.

Глагольные дефисные конструкции, обозначающие сложносоставное действие: *поют-заливаются*, *сказывать-пропевать*, *шла-добиралась*, *жила-робила*, *пошла-посеменила*.

Дефисные конструкции, объединяющие однокоренные прилагательные, одно из которых выражает субъективную оценку: *знакомой-перезнакомой*, *жалостливым-прежалостливым*, *рад-радехонек*, *старый-престарый*.

«Нахождение точного соотношения диалектной и общеупотребительной лексики – важный фактор жизнеспособности, художественной выразительности, популярности произведения. В умении найти искомые пропорции Ф. Абрамов показал свой талант владения языком», - пишет переводчик прозы Абрамова на китайский язык Ли Цзяньган (8, с. 123-124). Рассмотрим использование диалектизмов в «Чистой книге» как проявление языкового мастерства писателя.

Номинативная функция диалектизмов направлена на создание местного колорита, следует отметить, что при этом в произведениях Ф. Абрамова часто речь автора сливается с речью его героев и речью народа в целом, «они как будто ведут одну общую песню, подхватывая и перенимая ее друг у друга», - замечает А.М. Турков (6, с. 110), нечто подобное можно обнаружить и в «Чистой книге» - повествователь выражает общественное мнение народа, при этом используются лексические диалектизмы:

1) *Порохины, зубанили в Копанях, первые богачи в деревне. По прозвищам – сразу два – глагол зубанить имеет значение «смеяться, острить, зубоскалить», здесь дается ироническая характеристика безалаберного и невезучего семейства;*

2) *Ведь бают же зачем-то про них люди – не собственно прямая речь, передающая мысли героя, используется диалектный глагол говорения;*

3) *И вот при живом мужике она за мужика робила: пахала, сеяла, косила, ставила зароды, рубила дрова – лексико-словообразовательный диалектный глагол робить в значении «работать»; собственно-лексический диалектизм зарод в значении «стог сена удлиненной формы и разделенный кольями на секции-промежки»;*

4) *Вся эта сряда досталась ему от покойного отца, который любил при случае щегольнуть – лексико-словообразовательный диалектизм сряда в значении «нарядная праздничная одежда»;*

5) *И понеслась, полетела на навозниках первая хваленка Копаней – слово хваленка имеет значение «девушка-невеста», называют ее так, потому что все ее хвалят, в словарях встречается толкование «расхваленная девушка,*

женщина», здесь используется по контрасту со словом *навозники* в значении «сани для перевозки навоза».

Характерологическая функция диалектизмов предполагает речевую характеристику героев – носителей говора, нельзя представить речь персонажей данного романа без различных местных особенностей – фонетических (*исть, пьеница, каку, ето*), грамматических (союз *дак, ей* в В.п., постпозитивные частицы: *-то, -от*) и лексических (*нарушить* «убить», *загунуть* «замолчать, уняться», *любеюшко* «ласковое обращение к собеседнику»):

1) Махонька: - *Ой-ой, любеюшко! Запомнил; - Загунь!* – с ходу обрезала его Махонька; - *Голубанушко, да ты-то чего испугался?; Дак тот распаллся и сына нарушил; Мужичонка попался некорыстный, пьеница... Бывало, каку копейку заробит, ту и пропьет.*

2) Федосья: *Как в байне дымной сидите; - Давай дак, вы замучите у меня гостью-то!; Без твоей грозы отпышаться не можем; Робята, робята, встречайте!; - В баню сперва але исть?*

3) Марьюшка: - *Чего середка дня шатаешься?; - Ей, ей, скоморошье отродье своей репой ублажай.*

4) Пименко: - *Куды ето с коробом? Не икотами у лешего на базаре торговать?*

Стилистическая функция диалектизмов связана с созданием художественной выразительности: 1) *Зайко в лесу все кусты знает, а я разве не заяц в людской пороще?* – сравнение (словарь фиксирует значение слова *пороща* «ровесники, одно поколение»); 2) *На печи, свесив коротенькие ножки, сидел старый-престарый обабок с потухшими, незрячими глазами. Ну разве это Махонька?* – метафора (*обабок* в значении «гриб»).

Вершинное, оставшееся незаконченным произведение Федора Абрамова «Чистая книга» обладает немалыми достоинствами, свидетельствующими о высоком языковом мастерстве писателя, его умении эффективно использовать изобразительно-выразительный потенциал «родниковой» народной речи.

Литература

1. Абрамов Ф.А. Чем живем-кормимся. – Л., 1986. – 528 с.
2. Абрамов Ф.А. Чистая книга. – СПб., 2000. – 256 с.
3. Галимов Ш.З. Федор Абрамов: творчество, личность. – Архангельск, 1989. – 251 с.
4. Золотусский И.П. Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба. – М., 1986. – 160 с.
5. Петров А.В. Образность народной речи в творчестве Фёдора Абрамова // Федор Абрамов в XXI веке. – Архангельск, 2010. – С. 123-138.
6. Турков А.М. Федор Абрамов. – М., 1987. – 240 с.
7. Цветова Н.С. Махонька – «святая» и «грешная» // Слово Федора Абрамова. – Архангельск, 2001. – С. 42-47.
8. Цзяньган Ли. К проблеме языкового мастерства Ф.А. Абрамова // Слово Федора Абрамова. – Архангельск, 2001. – С. 120-130.